

В. А. Францев

**Главнейшие моменты в
развитии чешского
славяноведения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. А. Францев**
Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения / В. А. Францев –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 45 с.

ISBN 978-5-517-83583-3

Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения.

ISBN 978-5-517-83583-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мирно шествовалъ къ осуществленію этой высокой цѣли, то писатели XVIII, а за ними и XIX-го столѣтія начинаютъ рѣшительную борьбу за права чешскаго языка.

Ряды бойцовъ, защитниковъ приходившаго въ упадокъ чешскаго языка положительно поражаютъ какъ своею густою и согласной сомкнутостью, такъ и отличными дарованіями, вышедшими на поле благороднаго соревнованія въ дѣлѣ защиты правъ попираемаго народнаго достоянія.

Въ рядахъ этихъ защитниковъ мы встрѣчаемъ имена: Ф. Дуриха и І. Добровскаго, Ф. Пельця и Фр. Кипскаго, Ганке фонъ Ганкенштейна, К. Иги. Тама, Яна Рулика, нѣсколько позже: Фр. Томсы, а за ними идетъ длинная вереница ихъ преемниковъ: Пухмайеръ, Ганка, Юнгманнъ, Шафарикъ и мн. другихъ. Все они дружно возстали на защиту роднаго языка и своими популярными трактатами и учеными изслѣдованіями зажгли въ сердцахъ добрыхъ чеховъ дремавшій пламень любви къ своему отечеству и великой славы его минувшаго.

Со времянъ Добровскаго, совершившаго ученое путешествіе (въ 1792 г.) въ Россію, въ Чехію получаетъ нѣкоторое распространеніе русскій языкъ и проникаетъ чаще въ чешскій ученый и литературный міръ русская книга. Добровскій самъ составляетъ небольшой учебникъ русскаго языка.

Блестящая эпоха Екатерины и ея побѣдоносныхъ войнъ сильно подняла обаяніе Россіи въ славянствѣ, а вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія наполеоновскія войны создаютъ ближайшее общеніе и непосредственное знакомство западнаго славянства съ русскими людьми (напр., А. С. Шинковымъ, Румицевымъ). Этимъ отчасти путемъ создается интересъ къ русской наукѣ и литературѣ, и знакомство съ этимъ новымъ міромъ сильно отражается въ чешскомъ національномъ движеніи начала XIX ст. и въ чешской славянской наукѣ. Юнгманнъ уже громкимъ голосомъ призываетъ соотечественниковъ: „Учитесь другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и польскому, безъ знанія которыхъ нельзя сдѣлаться настоящими чехами: ихъ знаніе освѣтитъ и чешскій языкъ и откроетъ намъ новый міръ, міръ славянскій, который уже своимъ именемъ дорожитъ для чеха, міръ обширный и богатый!“ Ключъ его не

остался безъ отклика. Такимъ образомъ, изученіе чешскаго языка естественно приводило болѣе основательныхъ ученыхъ на новый путь, — путь изученія родственныхъ славянскихъ языковъ, а вопросы исторіи и древней письменности и старинны спеціально чешской вводили ихъ постепенно, но мѣрѣ развитія этихъ изслѣдованій, въ кругъ болѣе широкихъ изученій культурной жизни славянскаго міра вообще.

Отцомъ славяновѣдѣнія вообще и славянскихъ изученій у чеховъ въ частности называютъ обыкновенно знаменитаго аббата Іосифа Добровскаго, но на этомъ пути у него былъ одинъ великій предшественникъ въ лицѣ Фортуната Дуриха ¹⁾. Этотъ въ высокой степени симпатичный, проникнутый въ стремленіяхъ своихъ чистымъ идеализмомъ и одушевленный горячей любовью къ старой славянской письменности ученый, имѣлъ, по собственному признанію Добровскаго, рѣшительное вліяніе на характеръ и направленіе ученыхъ занятій его. „Одинаковыя занятія, говоритъ Добровскій, сближали насъ все больше и больше. Несмотря на все расположеніе Дуриха къ изученію вопросовъ филологіи еврейской, онъ однако чувствовалъ большую склонность къ славянской письменности и давно помышлялъ вполне посвятить себя ей. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ обращалъ мое вниманіе на свой излюбленный предметъ и все болѣе и болѣе склонялъ меня къ нему. Для меня поучительные уроки его, какъ для всѣхъ, знавшихъ его, его безупречная жизнь, останутся незабвенными“. Первымъ опытомъ Дуриха въ излюбленной его области было небольшое изслѣдованіе: „*De slavo-bohemica sacri codicis versione dissertatio...* Pragae, 1777“, положившее начало славян-

¹⁾ Значеніе его дѣятельности и отношеніе его къ Іос. Добровскому опредѣляетъ проф. Ф. Пастрнекъ въ прекрасной лекціи: *O ročatech slovanské filologie v Čechách...* Č. Č. M., 1896, 67 sqq. Богатый матеріалъ для исторіи взаимныхъ отношеній Дуриха и Добровскаго заключаетъ переписка ихъ, изданная А. О. Патерой: *Vzájemné dopisy J. Dobrowského a F. Duricha (1778—1800)*. Praha, 1895. Единственнымъ цѣльнымъ, хотя и далеко неполнымъ, очеркомъ жизни и дѣятельности Дуриха является работа Яна М. Чернаго: *Fortunát Durich, první slavista český. V Turnově, 1890.*

скими изученіямъ въ чешской филологической наукѣ. И самъ Дурихъ сознавалъ, что онъ кладетъ своимъ скромнымъ трудомъ основаніе наукѣ, дотолъ у чеховъ не существовавшей. Тутъ онъ прежде всего касается вопроса о старославянскомъ языкѣ, говоритъ объ обѣихъ его азбукахъ кириллицѣ и хорватской (ему только и извѣстной) глаголицѣ, о рукописныхъ и печатныхъ церковныхъ книгахъ, о грамматикахъ и словаряхъ старославянскихъ; даетъ во второй главѣ краткое обзорѣніе чешскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ Св. Писанія и, наконецъ, сообщаетъ образцы старославянскаго языка съ нѣкоторыми замѣчаніями о немъ.

Разсужденіе Дуриха имѣетъ свои недостатки, истекающіе главнымъ образомъ изъ малаго знакомства его съ старославянскимъ языкомъ, но у него не было возможности достигнуть болѣе надежныхъ выводовъ: памятники старославянскаго языка въ ту пору были еще почти не извѣстны, или весьма мало извѣстны. Тѣмъ не менѣе оно имѣло тѣ благодѣтельные послѣдствія, что вызвало къ разрѣшенію цѣлый рядъ не затронутыхъ еще вопросовъ и въ то же время сообщало рядъ такихъ свѣдѣній, которые до того времени не были еще сообщаемы.

Капитальнѣйшимъ трудомъ Дуриха является его „*Bibliotheca Slavica*“, первый томъ коей вышелъ въ Вѣнѣ въ 1795 г., трудъ, къ сожалѣнію, не оконченный.

Этотъ томъ долженъ былъ послужить только введеніемъ (*Introductio*) къ задуманной Дурихомъ „Славянской библіотекѣ“ (въ пяти частяхъ), программу коей онъ начерталъ вслѣдъ за предисловіемъ къ первому тому. Сообразно программѣ Дуриха, „Славянская библіотека“ должна была представить полную исторію древнѣйшей славянской письменности, объяснить происхожденіе обѣихъ славянскихъ азбукъ, описать рукописные и печатные памятники этой письменности, сообщить необходимѣйшія извлеченія изъ нихъ.

Геніальнымъ и, какъ геній, въ высокой степени самостоятельнымъ продолжателемъ работъ по изслѣдованію разнообразнѣйшихъ вопросовъ славянской филологіи является Добровскій, именуемый патриархомъ славистики. То, что робкой и нетвердой рукой едва намѣчено и набросано было Дурихомъ, получило подъ перомъ

Добровскаго сильныя и строго опредѣленныя очертанія, а цѣлый рядъ новыхъ и притомъ капитальныхъ вопросовъ поставленъ былъ имъ въ многочисленныхъ его изслѣдованіяхъ и статьяхъ. Не было, кажется, области славяновѣднія, въ которой гений патріарха славистики не создалъ бы самостоятельныхъ взглядовъ, не указалъ бы новыхъ путей изслѣдованія, не намѣтилъ ряда вопросовъ для цѣлыхъ поколѣній работниковъ на этомъ поприщѣ.

Въ его трудахъ нашли себѣ выраженіе или были затронуты вопросы древней исторіи славянской вообще и чешской въ частности; съ одинаковымъ рвеніемъ и высоко плодотворными результатами онъ освѣщаетъ новымъ свѣтомъ вопросы древней письменности славянской; онъ даритъ ученый міръ капитальнѣйшими трудами по изученію старославянскаго языка и живыхъ славянскихъ нарѣчій; въ его сборникахъ отводится широкое мѣсто вопросамъ славянской этнографіи и т. д.

„Никто раньше его не поднялся до высокаго уровня общеславянскихъ научныхъ интересовъ, онъ первый началъ собирать въ свой улей соки литературныхъ, культурныхъ и бытовыхъ явленій изъ прошлой и современной жизни всехъ славянскихъ народовъ безъ различія“, говоритъ о немъ проф. Ягичъ въ краткой оцѣнкѣ его дѣятельности ¹⁾.

Подобно своему предшественнику и учителю, Добровскій начинаеть свои филологическія студіи съ изученія языковъ семитскихъ и только впоследствии переходитъ къ вопросамъ языкознанія славянскаго, положивъ въ основаніе ихъ изученіе старославянскаго языка, въ глубокомъ значеніи коего для славянскаго филолога онъ былъ убѣжденъ. „Ich fange, wenn ich Schüler habe, die als Philologen Sprachstudium treiben, immer mit dem altslavischen an und mit Nutzen“ писалъ онъ Коштары. И это убѣжденіе Добровскаго раздѣляли съ нимъ и его преемники, оно остается въ силѣ и въ настоящее время.

Плодомъ его изученія старославянскаго языка явились: „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“, 1822 г.

„Institutiones“, говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ-сла-

¹⁾ Ягичъ, Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи, 7.

вяновѣдовъ, „навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ, предающихся занятіямъ славянской филологіей: это—художественная „анатомія“ славянскаго языка, замѣчательная по отчетливой строгости изслѣдованія, по вѣшной архитектоникѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ.... Но, страннымъ образомъ, вся построенная на исторической основѣ, она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и рассматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику, взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишенаго исторической дѣятельности, никогда не существовавшаго во времени и пространствѣ“¹⁾.

Добровскій является создателемъ сравнительной грамматики

¹⁾ А. Котляревскій, Библиологическій опытъ о древней русской письменности. Воронежъ, 1882. На этотъ существенный недостатокъ „Institutionum“ указалъ впрочемъ значительно раньше проф. Ягичъ (Književnik, II, 1865, 363) и почти въ тѣхъ же словахъ: „... Dobrovskova je gramatika puna elementa historičkih, puna svjedočanstva o veoma obsežnu izpitvanju književnih starinah crkv. jezika, ali žalibog prehogato nagomilano gradivo nije upotrebljeno u gradnji, jer mu kao i Adelungu nestaje smisao za historički razvoj jezika“. Не желая ввести въ свою грамматику непорченный русско-славянской языкъ церковныхъ книгъ, онъ, въ поискахъ за болѣе совершеннымъ матеріаломъ, создаетъ какой то „новый“ старославянскій языкъ, который никогда не существовалъ. „Onakovo staroslavjensitine, kakovni nam on u svojoj knjizi upredocuje, nije u istinu nikada ni bilo!“ (Ibid., II, 364). Въ чинъ недостатковъ грамматики Добровскаго отмѣчается, между прочимъ, и неудовлетворительное объясненіе Добровскимъ звуковаго значенія юсавъ, въ то время какъ оно уже точно опредѣлено было Востоковымъ за два года до выхода „Institutionum“ (въ Трудяхъ Общ. Любит. Росс. Слов., 1820, I, 42 и сл.). По виню такой кажущейся отсталости имѣется лишь недостатокъ памятниковъ древней славянской письменности, въ той же степенн затруднившій усѣбность разработки этихъ вопросовъ Дурникомъ.

славянскихъ партій. Съ гениальной проицательностью онъ указываетъ на необходимость для славянскаго филолога изслѣдованія вопроса объ отношеніи славянскихъ языковъ къ германскимъ и литовскому¹⁾. Къ этимъ заключеніямъ Добровскаго приводятъ подмѣченные имъ этимологическія совпаденія. Сравнительный методъ онъ примѣняетъ затѣмъ главнымъ образомъ въ своемъ разсужденіи: „Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen“ (Prag, 1813). Если принять во вниманіе то обстоятельство, что трудъ Бонна: „Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache“, положившій первыя основы сравнительнаго языковѣдѣнія, вышелъ только въ 1816 г., тогда гениальная проицательность Добровскаго предстаеетъ намъ еще въ большемъ величій.

Творческій гений Добровскаго съ тою же силою проявился и въ разработкѣ вопросовъ чешской литературы и чешскаго языка. Его „Geschichte der böhmischen Sprache und Litteratur“ (1790, 1792 и 1818 гг.) есть первый опытъ научной разработки исторіи всей чешской письменности во всемъ ея объемѣ, опытъ, основанный на тщательномъ изученіи всего доступнаго печатнаго и рукописнаго матеріала и послужившій не только образцомъ для дальнѣйшихъ работъ въ этой области, но и неизсякаемымъ родникомъ, изъ коего до нашего времени почерпаются надежныя свѣдѣнія и указанія.

Тонкій анализирующій умъ Добровскаго требовалъ всюду самой строгой критики, и сила его критическаго чутья нагляднымъ

¹⁾ Въ письмѣ къ Якову Гримму отъ 10 мая 1812 года (Archiv f. Slav. Phil., 1877, II, 181. Cf. С. С. М. 1900, I, 19) онъ говоритъ: „Dass sich... die Urahnen der Lat. Griech. Deutsch. Slaw. näher waren, wird immer begreiflicher, dass die Slawen die Deutschen von jeher berührten, lässt sich aus der Vergleichung beider Spr. schliessen, wenn auch die Geschichte schwiege... So sassen Slawen immer den Deutschen im Osten... Hinter den Lithanern nun stecken von jeher wieder Slawen, die sich vom Einfluss des Gothischen (am schwarzen Meere) doch keiner erhielten als erstere“. „Slawen sind Slawen und haben der Sprache nach die nächste Verwandtschaft mit den Lithanern“... пишетъ Добровскій Конитару (№ 9) 6 марта 1810.

образомъ сказалась въ его отношеніи къ тѣмъ памятникамъ древней чешской письменности, которые въ настоящее время признаны несомнѣнно подложными, т. е. къ рукописи Зеленогорской (Любушину Суду), отрывкамъ Евангелія отъ Іоанна и глоссамъ въ „Mater Verborum.“ И хотя „хулы и недобвѣріе“ Добровскаго вызвали впоследствии рядъ опроверженій, хотя Палацкій и Шафарикъ вмѣстѣ выступили (въ 1840 г.) съ защитой подлинности заподозрѣнныхъ нмъ памятниковъ, а Палацкій и еще раньше (въ 1829 г.) высказался рѣшительно въ защиту отрывковъ Ев. отъ Іоанна, тѣмъ не менѣе скептицизмъ Добровскаго оказался вполне основательнымъ и справедливымъ.

Добровскій кладетъ основаніе для составленія полнаго словаря чешскаго языка и свои взгляды на задачи лексикографа подробно излагаетъ въ разсужденіи „Entwurf zu einem allg. Etymologikon“, 1813 г. и отчасти въ предисловіи къ словарю Томсы. Занимаясь исторіей чешскаго народа, Добровскій усердно разбираетъ древнѣйшіе историческіе памятники (хронику Козьмы Пражскаго Далмилла) и непрерывнымъ условіемъ усѣбности историческихъ разысканій считаетъ предварительное строго-критическое изданіе источниковъ. „Въ самомъ дѣлѣ странно“, удивляется онъ, „что наши отечественные историки не пришли къ мысли издать древніе памятники. Воздвигались здація раньше, нежели былъ собранъ достаточный матеріалъ, —неудивительно поэтому, что эти постройки не были прочны“. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ самъ издаетъ хронику Козьмы Пражскаго и съ увлеченіемъ занимается ею до конца своей жизни. Сколь великое значеніе придавалъ онъ непосредственному знакомству съ рукописными памятниками, явствуешь изъ того факта, что, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ думаетъ еще о поѣздкѣ на Абоны для изученія памятниковъ старославянскаго письменности.

Подъ вліяніемъ ученыхъ трудовъ Добровскаго совершалось все дальнѣйшее развитіе студій въ области славяновѣдѣнія вообще, а при жизни его оно преимущественно сказалось въ области трудовъ по изученію языка чешскаго, основанныхъ исключительно на результатахъ его изслѣдованій. Добровскій былъ въ полномъ смыслѣ слова обще-славянскій филологъ: трудно перечислить

всѣ многочисленныя и разнообразныя вопросы, затронутыя имя въ его трудахъ, чтобы доказать справедливость этихъ словъ; иѣтъ возможности въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить значеніе его разысканій; въ большинствѣ самобытныхъ, новыхъ и въ результатахъ отдѣльныхъ частей не теряющихъ своей силы еще и донынѣ. „Мы во многихъ вопросахъ и черезъ это и даже триста лѣтъ не поднимаемся на ту высоту, на которой стоялъ Доброуекій“, говорилъ его вѣрный послѣдователь и гениальный ученикъ Шафарикъ. И если многое изъ добытаго учеными наблюденіями и изслѣдованіями Доброуекаго потеряло съ теченіемъ времени, благодаря трудамъ его преемниковъ и болѣе счастливыхъ учениковъ, свое значеніе, то это нисколько не умаляетъ заслугъ патріарха славяновѣдѣнія. Уже тотъ фактъ, что въ своихъ трудахъ онъ намѣтилъ рядъ важнѣйшихъ для славянской науки вопросовъ, возбудилъ интересъ къ нимъ и этимъ вызвалъ къ разрѣшенію ихъ новыя силы, составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Доброуекаго. Онъ не только заложилъ краеугольный камень для зданія новой науки — славянской филологіи, но онъ сумѣлъ вдохнуть въ нее „дыханіе жизни“ и тѣмъ положить основаніе ея правильнаго роста и развитія, обезпечить ея непрерывное движеніе впередъ. Великъ тотъ учитель, который создастъ столь богатую и числомъ учениковъ и силами дарованій школу, какую видѣлъ еще при жизни Доброуекій, и которая съ честью сохранила его завѣты и продолжила его дѣло!

Однимъ изъ ближайшихъ по времени учениковъ Доброуекаго является Вячеславъ Ганка, имя косяго въ исторіи чешскаго возрожденія неразрывно связано съ вопросомъ о знаменитыхъ Краледворекской и Зеленогорекской рукописяхъ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Взглядъ на этого несомнѣнно безкорыстнаго, одушевленнаго искреннею любовью къ славянству, неутомимаго и заслуженнаго работника въ общемъ сонѣ дѣятелей чешскаго возрожденія и въ настоящее время, когда для характеристики личности Ганки накопилось достаточно поваго матеріала, нельзя назвать благоприятнымъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ полный разборъ его ученой, преимущественно издательской дѣятельности, скажемъ только, что какъ бы ни были разнообразны

и противорѣчивы отзывы о ней, о заслугахъ Ганки вообще, нельзя пройти мимо этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго чловека. „Значеніе Ганки въ исторіи чешскаго возрожденія еще неполнѣ выяснено“, говоритъ строгій и безпристрастный судья его дѣятельности акад. Ягичъ ¹⁾.

Скромный „пастушокъ“, начавшій, подобно нашему Ломосову, учиться довольно поздно, сдѣлавъ въ наукѣ быстрые успѣхи и скоро пріобрѣлъ своими трудами почетную извѣстность. Кто хоть сколько-нибудь внимательно и безпристрастно займется разсмотрѣніемъ всей его дѣятельности, тотъ несомнѣнно признаетъ за нимъ огромныя заслуги. Несмотря на все обвиненія, издѣвательства и вышучиванія, Ганка не опускалъ рукъ и бодро, съ несокрушимой энергіей шелъ по разѣ избранному пути, не уклоняясь отъ него, съ твердымъ убѣжденіемъ въ пользѣ совершаемаго имъ дѣла.

Онъ самъ смотрѣлъ на свой скромный трудъ несравненно правильнѣе, чѣмъ его не въ мѣру строгіе критики и хулители, когда писалъ Бодянскому: „Вы знаете, милѣйшій Осипъ Макаровичъ, что я болѣе всего забочусь о практической пользѣ, такъ напримѣръ, что касается взаимности“.... И на эту практическую сторону славянской взаимности онъ обращаетъ самое серьезное вниманіе, о ней больше всего заботится во всехъ своихъ сношеніяхъ съ ученымъ міромъ славянскимъ вообще и русскимъ въ частности.

„*Summus Dobrovii dignissimus discipulus et aemulus*“, какъ назвала его наша Академія, посвящаетъ свои скромныя силы поэтическому творчеству оригинальному и переводному: „счастливый въ понекахъ родной старинѣ“, онъ издаетъ открытыя и въ памятники якобы древней чешской письменности; изучаетъ и издаетъ памятники историческіе и юридическіе; даетъ рядъ изслѣдованій по чешской пуллизматикѣ, являясь однимъ изъ первыхъ пионеровъ въ этой области; знакомитъ чешское общество съ выдающимися славянскими литературными явленіями, для чего поддерживаетъ самыя живыя связи съ учеными и писателями всехъ концовъ слав-

¹⁾ Письма Кошутара и Добровскаго, введеніе, стр. LXXI.

вянского міра, особенно русскими и польскими: издаеть грамматики: русскую, церковнославянскую и польскую; читаетъ русскій и церковнославянскій языки въ пражскомъ университетѣ и въ дѣлѣ распространенія русскаго языка среди чеховъ имѣеть огромныя заслуги; самъ онъ изучаетъ русскій и польскій языки настолько основательно, что пишетъ на нихъ письма и ученые записки, хотя и довольно оригинальнымъ стилемъ.

Для первыхъ русскихъ ученыхъ посѣтителей Праги и Чешскаго Музея Гапка былъ полезнѣйшимъ руководителемъ: всѣмъ имъ приходилось пользоваться его услугами и указаніями, и почти всѣ высоко цѣнили его безкорыстную помощь. Такъ П. И. Кеппель въ одномъ изъ писемъ къ Востокову прямо признается: „О Гапкѣ я не имѣлъ того понятія, которое теперь только получилъ въ Прагѣ: онъ мастеръ своего дѣла“. Такъ же отзывались о немъ и другіе русскіе ученые, которые имѣли случай притти съ нимъ въ ближайшее соприкосновеніе.

Если Гапка не былъ учителемъ, который могъ бы направить занятія первыхъ русскихъ славяновѣдцевъ по строгому научному методу, если его собственныя познанія, вѣдствіе отсутствія у него чувства критики, не отличался особенной глубиной, то тѣмъ не менѣе наши первые слависты и первые славяновѣды польскіе ему многимъ обязаны. Бодяпскій, Срезневскій, Прейслъ, Григоровичъ и цѣлая плеяда русскихъ ученыхъ и писателей, въ томъ числѣ Шишковъ, Балугинскій, Сперанскій, Поровъ, изъ поляковъ: Кухарекскій, Мацѣевскій, Анде, Бандтке, Раковецкій, Цыбульскій и мн. др.,—все пользовались въ большей или меньшей степени его услугами въ области научной дѣятельности или въ дѣлѣ простаго ознакомленія съ чешскою современностью. „Гапка уже по своему мѣсту назначенъ быть звеномъ сообщенія съ европейскими учеными и покровителями славянскаго направленія“, совершенно правильно замѣтилъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (М. Касторскій, въ 1838 г.). „Милая внимательность“ Гапки ко всѣмъ приспымъ и ближнимъ, „извѣстное и испытанное добродушіе и расположенность ко всѣмъ вообще славянамъ и особенно къ сѣвернымъ“, „безупречность въ дѣлахъ и мысляхъ, словахъ и желаніяхъ“ влекли къ нему каждого, кто только имѣлъ разъ удо-